

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК

жизнь взаймы

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44
Р37

Серия «Эксклюзивная классика»

Erich Maria Remarque

DER HIMMEL KENNT KEINE GÜNSTLINGE

Перевод с немецкого Л. Черной

Серийное оформление Е. Ферез

Печатается с разрешения The Estate of the Late Paulette Remarque литературных агентств Mohrbooks AG Literary Agency и Synopsis.

Ремарк, Эрих Мария.

Р37 Жизнь взаймы : [роман] / Эрих Мария Ремарк; [пер. с нем. Л. Черной]. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 287, [1] с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-081140-3

«Жизнь взаймы» — это жизнь, которую герои отвоевывают у смерти. Когда терять уже нечего, когда один стоит на краю гибели, так эту жизнь и не узнав, а другому эта треклятая жизнь стала невыносима.

И как всегда у Ремарка, только любовь и дружба остаются незыблыми. Только в них можно найти точку опоры.

По роману «Жизнь взаймы» был снят фильм с легендарным Аль Пачино.

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44

© The Estate of the Late Paulette Remarque, 1961

© Перевод. Л. Черная, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Остановив машину у заправочной станции, перед которой был расчищен снег, Клерфэ посигналил. Над телефонными столбами каркали вороны, а в маленькой мастерской позади заправочной станции кто-то стучал по жести. Но вот стук прекратился, и оттуда вышел паренек лет шестнадцати, в красном свитере и в очках со стальной оправой.

— Заправь бак, — сказал Клерфэ, вылезая из машины.

— Высший сорт?

— Да. Где здесь можно поесть?

Большим пальцем парнишка показал через дорогу.

— Там, в гостинице. Сегодня у них на обед были свиные ножки с кислой капустой.

Столовая в гостинице не проветривалась, пахло старым пивом и долгой зимой. Клерфэ заказал мясо по-швейцарски, порцию вашеронского сыра и графин белого эгля; он попросил подать еду на террасу. Было не очень холодно. Небо казалось огромным и синим, как цветы горчанки.

— Не окатить ли вашу машину из шланга? — крикнул паренек с заправочной станции. — Видит Бог, старуха в этом нуждается.

— Нет, протри только ветровое стекло.

Машину не мыли уже много дней, и это было сразу заметно. После ливня крылья и капот, покрывшиеся на побережье в Сен-Рафаэле красной пылью, стали походить на разрисованную ткань. На дорогах Шампани кузов машины залепило известковыми брызгами от луж и грязью, которую разбрасывали задние колеса многочисленных грузовиков, когда их обгоняли.

«Что меня сюда привело? — подумал Клерфэ. — Кататься на лыжах, пожалуй, уже поздновато. Значит, сострадание? Сострадание — плохой спутник, но еще хуже, когда оно становится целью путешествия».

Он встал.

— Это километры? — спросил паренек в красном свитере, указывая на спидометр.

— Нет, мили.

Паренек свистнул.

— Как это вас занесло в Альпы? Почему вы со своим рысаком не на автостраде?

Клерфэ посмотрел на него. Он увидел блестящие стекла очков, вздернутый нос, прыщи, оттопыренные уши — существо, только что сменившее меланхолию детства на все ошибки полувзрослого состояния.

— Не всегда поступаешь правильно, сын мой. Даже если сам сознаешь. Но именно в этом иногда заключается прелесть жизни. Понятно?

— Нет, — ответил паренек, сморщив нос.

— Как тебя зовут?

— Геринг.

— Что?

— Геринг. — Юноша ослабился, переднего зуба не хватало. — Но по имени Губерт.

— Родственник того...

— Нет, — прервал его Губерт, — мы базельские Геринги. Если бы я был из тех, мне не пришлось бы качать бензин. Мы получали бы жирную пенсию.

Клерфэ испытующе посмотрел на него.

— Странный сегодня день, — сказал он, помедлив. — Вот уж не ожидал встретить такого, как ты. Желаю тебе успеха в жизни, сын мой. Ты меня поразил.

— А вы меня нет. Вы ведь гонщик, правда?

— Откуда ты знаешь?

Губерт Геринг показал на почти стертый номер, который виднелся из-под грязи на радиаторе.

— А ты, оказывается, еще и мыслитель! — Клерфэ сел в машину. — Может, тебя лучше заблаговременно упратить в тюрьму, чтобы избавить человечество от нового несчастья? Когда ты станешь премьер-министром, будет уже поздно.

Он включил мотор.

— Вы забыли уплатить, — заявил Губерт. — С вас сорок две монетки.

— Монетки! — Клерфэ отдал ему деньги. — Это меня отчасти успокаивает, Губерт, — сказал он. — В стране, где деньгам дают ласкательные имена, никогда не будет фашизма.

Машина быстро взобралась на гору, и вдруг перед Клерфэ открылась долина, расплывчато-синяя в сумеречном свете, с разбросанными тут и там деревенскими домишками, со зданиями отелей, белы-

ми крышами, покосившейся церковью, катками и первыми огоньками в окнах.

Клерфэ поехал вниз по извилистому шоссе, но вскоре обнаружил, что со свечами неладно. Прислушиваясь, Клерфэ заставил мотор несколько раз взреветь. «Забросало маслом», — подумал он и остановил машину, как только выехал на прямую. Открыв капот, он несколько раз нажал на ручной акселератор. Мотор опять взревел.

Клерфэ выпрямился.

В ту же секунду он увидел пару запряженных в санки лошадей, которые рысью бежали ему навстречу; напуганные внезапным шумом, они понесли. Став на дыбы, лошади вывернули санки прямо к машине. Клерфэ подскочил к лошадям, ухватил их под уздцы и повис на них так, чтобы его не могли достать копыта. Сделав несколько рывков, лошади остановились. Они дрожали, над мордами поднимался пар от их дыхания; а глаза были дикие, безумные; казалось, что это морды каких-то допотопных животных. Клерфэ удерживал лошадей несколько секунд. Потом осторожно отпустил ремни. Животные не двигались с места, только фыркали и позванивали колокольчиками.

Высокий мужчина в черной меховой шапке, стоя в санках, успокаивал лошадей. На Клерфэ он не обращал внимания. Позади него сидела молодая женщина, крепко ухватившись за поручни. У нее было загорелое лицо и очень светлые, прозрачные глаза.

— Сожалею, что испугал вас, — сказал Клерфэ. — Но я полагал, что лошади во всем мире уже привыкли к машинам.

Мужчина ослабил вожжи и сел вполоборота к Клерфэ.

— Да, но не к машинам, которые производят такой шум, — возразил он холодно. — Тем не менее я мог бы их удержать. И все же благодарю вас за помощь. Надеюсь, вы не выпачкались.

Клерфэ посмотрел на свои брюки, потом перевел взгляд на мужчину. Он увидел холодное, надменное лицо, глаза, в которых тлела чуть заметная издевка, — казалось, незнакомец насмехался над тем, что Клерфэ пытался разыграть из себя героя. Уже давно никто не вызывал в Клерфэ такой антипатии с первого взгляда.

— Нет, я не выпачкался, — ответил он медленно. — Меня не так уж легко запачкать.

Клерфэ еще раз посмотрел на женщину. «Вот в чем причина, — подумал он. — Хочет сам остаться героем». Он усмехнулся и пошел к машине.

Санаторий «Монтана» был расположен над деревней. Клерфэ осторожно ехал в гору по спиралям дороги, пробираясь между лыжниками, спортивными санями и женщинами в ярких брюках. Он решил навестить своего бывшего напарника Хольмана, который заболел немногим больше года назад; после тысячекилометровых гонок в Италии у него началось кровохарканье, и врач установил туберкулез. Хольман сперва рассмеялся; если это действительно так, ему дадут горсть таблеток, сделают побольше уколов, и все снова будет в порядке. Однако антибиотики оказались далеко не такими всемогущими и безотказными, как можно было ожидать, особенно когда дело касалось людей, которые росли в годы войны

и плохо питались. Наконец врач послал Хольмана в горы лечиться старомодным способом: покоем, свежим воздухом и солнцем. Хольман вначале бушевал, а потом покорился. Два месяца, которые он должен был здесь провести, растянулись почти что на год.

Как только машина остановилась, Хольман выбежал ей навстречу. Клерфэ смотрел на него, пораженный: он думал, что Хольман лежит в постели.

— Клерфэ! — закричал Хольман. — Нет, я не ошибся. Я сразу узнал мотор! «Он рычит, как стариk “Джузеппе”», — подумал я. И вот вы оба здесь! — Он возбужденно тряс руку Клерфэ. — Ну и сюрприз! Да еще вместе со старым львом «Джузеппе»! Ведь это сам «Джузеппе», а не его младший брат?

— Это «Джузеппе». — Клерфэ вышел из машины. — И с теми же капризами, что и раньше, хотя теперь он уже на пенсии. Я купил его у фирмы, чтобы спасти от худшей судьбы. А он платит мне тем, что немедленно забрасывает маслом свечи, как только я замечтаюсь в пути. У него характерец дай Боже.

Хольман рассмеялся. Он никак не мог отойти от машины. На ней он раз десять, а то и больше, участвовал в гонках.

Клерфэ посмотрел на Хольмана.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он. — А я думал, что ты в постели. Тут скорее отель, чем санаторий.

— Все это входит в курс лечения. Прикладная психология. Два слова здесь, в горах, табу — болезнь и смерть. Одно из них слишком старомодное, другое — слишком само собой разумеющееся.

Клерфэ рассмеялся:

— Совсем как у нас. Правда?

— Да, похоже на то, как было у нас внизу. — Хольман отвернулся от машины. — Входи, Клерфэ! Хочешь выпить?

— А что здесь есть?

— Официально — только соки и минеральная вода. Неофициально, — Хольман похлопал по боковому карману, — плоские бутылки с джином и коньяком, которые легко спрятать; благодаря им апельсиновый сок больше радует душу. Откуда ты?

— Из Монте-Карло.

Хольман остановился.

— Там были гонки?

— Ты что, не читаешь спортивной хроники?

Хольман отвел глаза.

— Вначале читал. А в последние месяцы бросил.

Идиотизм, правда?

— Нет, — ответил Клерфэ. — Правильно! Будешь читать, когда снова начнешь ездить.

— Кто ездил с тобой в Монте-Карло?

— Торриани.

— Торриани? Ты с ним теперь постоянно ездишь?

— Нет, — сказал Клерфэ, — я езжу то с одним, то с другим. Жду тебя.

Он говорил неправду. Вот уже полгода, как он ездил с Торриани; но поскольку Хольман не читал больше спортивной хроники, ему можно было спокойно солгать.

— Мы все ждем тебя, — добавил он.

— В самом деле? Вы меня еще не забыли?

— Не будь дураком.

Хольман сиял.

- Как было в Монте-Карло?
- Никак. Поршни заклинило. Я выбыл.
- С «Джуゼppe»?
- Нет, с его младшим братом.
- «Джуゼppe» тебе отомстил.

Хольман засмеялся; лучшим лекарством для него было сообщение о том, что Клерфэ не победил с его преемником. Он хотел продолжать расспросы — в один миг к нему вернулась прежняя восторженность, — но Клерфэ поднял руку.

— У вас тут два табу, прибавим к ним еще одно — гонки: не будем говорить о них.

— Но... Клерфэ! Это совершенно невозможно. Почему?

— Я устал. Я приехал сюда отдохнуть и хоть несколько дней не слышать об этом безобразии, будь оно проклято! Не хочу ничего слышать о сверхбыстроходных машинах, на которых людей заставляют мчаться с бешеною скоростью.

Хольман внимательно посмотрел на него:

— Что-нибудь случилось?

— Нет, просто я суеверен. Мой контракт истекает и еще не возобновлен. Вот и все.

— Клерфэ, — сказал Хольман спокойно, — кто разбился?

— Сильва.

— Умер?

— Еще нет. Если ему повезет, отдалется ампутацией ноги. Но та сумасшедшая, которая с ним повсюду разъезжала, самозваная баронесса, отказывается видеть его. Сидит в казино и ревет. Ей не нужен калека... А теперь пошли, и дай мне джину.

Они сели за столик у окна. Отпив немного апельсинового сока, Клерфэ под столом долил в свой стакан джину.

— Как на школьной экскурсии. Последний раз я делал это тогда. Пятьсот лет назад.

Хольман забрал у него плоскую бутылку.

— Гостям дают спиртное. Но так проще.

Клерфэ огляделся:

— Здесь все больные?

— Нет. Есть и гости.

— Те, что с бледными лицами, — это больные?

— Нет, это здоровые. Они такие бледные потому, что только сейчас поднялись в горы. Сколько ты сможешь у нас пробыть?

— Два-три дня. Где тут можно остановиться?

— В «Палас-отеле». Там хороший бар.

Клерфэ увидел в окно санки и лошадей, которые испугались машины. Они подъехали к входу. Овчарка, лежавшая в холле, бросилась через открытую дверь к мужчине в меховой шапке и прыгнула ему на грудь.

— Кто это? — спросил Клерфэ.

— Женщина?

— Нет, мужчина.

— Русский. Борис Волков.

— Советский?

— Нет, белоэмигрант. В виде исключения, этот не бедный и не из бывших великих князей. Его отец своевременно, до того как его расстреляли, открыл текущий счет в Лондоне; мать явилась сюда с горстью изумрудов, каждый величиной с вишневую kostochку, она их не то проглотила, не то зашила в корсет. В то время еще носили корсеты.

Клерфэ улыбнулся:

— Откуда ты это знаешь?

— Здесь быстро узнаешь все друг о друге, стоит только побывать подольше, — ответил Хольман с легкой горечью. — Через две недели, когда кончится спортивный сезон, мы опять до конца года окажемся всего-навсего в маленькой деревушке.

Несколько человек невысокого роста, одетые в черное, прошли почти вплотную к Клерфэ и Хольману. Протискиваясь к своему столику, они оживленно разговаривали по-испански.

— Для маленькой деревушки вы тут слишком интернациональны, — заметил Клерфэ.

— Это правда. Смерть все еще не стала шовинисткой.

— В этом я не так уж уверен.

Клерфэ смотрел, как женщина выходила из санок. Потом взглянул на Хольмана.

— Что с тобой? — спросил он. — Мировая скорбь?

Хольман покачал головой:

— Нет, ничего. Но иногда вдруг кажется, что это заведение — просто большая тюрьма. Пусть солнечная и комфортабельная, но все же тюрьма.

Клерфэ ничего не ответил. Он знал другие тюрьмы. Но он знал также, почему Хольман об этом подумал. Все дело было в машине. Его взволновал «Джузеппе». Клерфэ вновь посмотрел в окно. Солнце стояло очень низко, окрашивая снег в мрачный красноватый цвет. Русский и женщина, переговариваясь, стояли у входа.

— Это его жена? — спросил Клерфэ.

— Нет.

— Так я и думал. Она больна?

— Да. И он тоже.

— По ним этого не скажешь.

— Так оно всегда бывает. При этой болезни некоторое время выглядишь цветущим, как сама жизнь. И чувствуешь себя соответственно. До тех пор, пока вдруг перестаешь так выглядеть; но тогда на тебя уже почти никто не глядит.

Те двое вошли. Клерфэ показалось, что они в ссоре. Они остановились: русский что-то тихо и настойчиво говорил женщине. Постояв немного, она покачала головой и быстро пошла к лифту. Ее спутник сделал движение, словно хотел последовать за ней, а затем снова вышел на улицу и сел в санки.

— Он живет не здесь? — спросил Клерфэ.

— Нет. У него тут поблизости дом.

Допив свой стакан, Клерфэ встал.

— Поеду в гостиницу, хочу умыться. Где бы нам поесть вместе?

— Здесь. Мне можно будет посидеть с тобой — у меня уже целую неделю нормальная температура. Запрещено выходить только после захода солнца. Кормят у нас неплохо. На больничную еду не похоже. Гостям дают даже легкое вино.

— Ладно. А когда?

— Когда захочешь. В девять мы ложимся. Совсем как дети. Правда?

— Нет, как солдаты. Отбой — и крышка! Перед серьезной гонкой ведь тоже ложишься рано.

Лицо Хольмана просветлело.

— Конечно, это можно рассматривать и так.

Женщина опять появилась в холле. Она направилась было к выходу, но ее остановила седая дама,

которая что-то энергично сказала ей. В ответ та горячо произнесла несколько слов, круто повернулась и, увидев Хольмана, подошла к нему.

— Крокодилица не хочет меня выпускать, — сердито прошептала она. — Утверждает, что вчера у меня была температура. И что я не должна была кататься на санках. Она говорит, что ей придется сообщить обо всем Далай-Ламе, если я еще раз...

Только теперь она заметила Клерфэ и замолчала.

— Это Клерфэ, Лилиан, — сказал Хольман. — Я вам про него рассказывал. Он приехал неожиданно.

Прозрачные глаза женщины остановились на Клерфэ; казалось, она смотрит сквозь него.

— Откуда вы приехали?

— С Ривьеры.

Клерфэ не понимал, зачем ей это надо знать.

Она опять повернулась к Хольману.

— Крокодилица хочет уложить меня в постель, — сказала она взволнованно. — И Борис тоже. А как вы? Вы не ляжете?

— До девяти — нет.

— Я тоже приду. После вечернего обхода. Я не дам себя запереть! Особенно сегодня ночью.

Рассеянно кивнув Клерфэ, она вышла из холла.

— Тебе, наверно, все это кажется китайской грамотой. Далай-Лама — это, разумеется, наш профессор. Крокодилица — старшая сестра...

— А кто эта женщина?

— Ее зовут Лилиан Дюнкерк. Разве я тебе не говорил? Она бельгийка, ее мать была француженкой. Родители ее умерли.

— Красивая женщина. Почему она так волнуется из-за пустяков?

Хольман на минуту замялся.

— Так всегда бывает в санатории, когда кто-нибудь умирает, — сказал он смущенно. — Ведь мертвый уносит частицу тебя самого. Какую-то долю надежды. Умерла ее подруга.

Верхние этажи санатория отнюдь не походили на отель; то была больница. Лилиан Дюнкерк остановилась перед комнатой, в которой умерла Агнес Сомервилл. Услышав голоса и шум, она открыла дверь.

Гроб уже вынесли. Окна были открыты, и две здоровенные уборщицы мыли пол. Плескалась вода, пахло лизолом и мылом, мебель была сдвинута, и резкий электрический свет освещал все углы.

Лилиан остановилась в дверях. На минуту ей показалось, что она не туда попала. Но потом она увидела маленького плюшевого медвежонка, заброшенного на шкаф; это был талисман покойной.

— Ее уже увезли? — спросила она.

Одна из уборщиц выпрямилась.

— Из восемнадцатого номера? Нет, ее перенесли в седьмой. Оттуда ее увезут сегодня вечером. Мы здесь убираем. Завтра приедет новенькая.

— Спасибо.

Лилиан закрыла дверь и пошла по коридору. Она знала комнату номер семь. Это была маленькая комнатушка, и находилась она рядом с грузовым лифтом. В нее переносили покойников — оттуда их удобнее было спускать на лифте. «Совсем как чемоданы», — подумала Лилиан Дюнкерк. А потом все